

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

Авторъ печатаемыхъ ниже воспоминавѣй лучшую пору своей жизни провелъ внѣ Россіи. Послѣ неудачнаго исхода польскаго движенія 1831 года, Чайковскій состоялъ въ роли политическаго агента при извѣстномъ дѣятелѣ эмиграціи кн. Адамѣ Чарторыйскомъ, но всѣ усилія его оказывались безплодными; перспектива вѣчнаго скитанія, безъ всякой опоры среди окружающихъ, была печальна неизмѣримо, и возможность встрѣтить въ Турціи почву для сколько нибудь опредѣленной дѣятельности казалась заманчивою для нѣкоторыхъ эмигрантовъ. Турецкое правительство не прочь было воспользоваться этою силой для своихъ политическихъ цѣлей, но не больше. О какомъ либо прямомъ содѣйствіи цѣлямъ эмигрантовъ турецкіе государственные люди, конечно, и не думали, и расчеты, основанные на такомъ хрупкомъ фундаментѣ, оказались въ дѣйствительности только наивными. Проходя сперва различныя ступени службы въ качествѣ турецкаго гражданскаго чиновника и официально принявъ мусульманство, М. Чайковскій или Мехмедъ-Садыкъ-паша былъ поставленъ во главѣ такъ наз. козацкаго полка, на вербованнаго изъ представителей самыхъ разнообразныхъ славянскихъ и полуславянскихъ національностей. Вообще говоря, отряды, находившіеся подѣ командой Садыкъ-паши, отправляли обыкновенную гарнизонную службу, и лишь при извѣстной путаницѣ понятій можно было считать такую дѣятельность полез-

ной общеславянскому дѣлу. Какъ бы ни былъ распатанъ турецкій государственный строй, но онъ былъ достаточно проченъ, чтобы переработать въ своихъ цѣляхъ организованные такимъ образомъ чужеродные элементы—или выбросить ихъ за бортъ, какъ и случилось въ дѣйствительности. Что переработка сдѣлала большіе уснѣхи—въ значительной степени подтверждается личнымъ примѣромъ Садыкъ-паши. Весьма нерѣдко и самымъ недвусмысленнымъ образомъ заявлялъ покойный печатно, что онъ былъ вѣрнымъ и аккуратнымъ исполнителемъ предназначеній, исходившихъ изъ Стамбула. Въ этомъ отношеніи турецкая служба Садыкъ-паши ничѣмъ, въ сущности, не отличалась отъ службы прочихъ турецкихъ генераловъ изъ иностранцевъ, принявшихъ мусульманство или даже независимо отъ послѣдняго условія, которому турецкое правительство никогда не придавало особеннаго значенія. Нѣкоторый подъемъ уровня военной дисциплины, объясняемый привходящими этимъ путемъ культурными вліяніями, безъ сомнѣнія могъ имѣть благопріятное значеніе, но только въ пользу того самаго порядка, при которомъ интересы славянскихъ національностей не находили правильного удовлетворенія.

Не лишеннымъ интереса отзвукомъ такого запутаннаго положенія дѣлъ служить изданная въ 1857 г. въ Парижѣ на польскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ: „Козачина въ Турціи“ (Kozaszczyna w Turcyi, przez X. K. O. W druk. L. Martinet). Здѣсь приводятся официальные документы объ организаціи козацкихъ ополченій, нѣкоторыя историческія справки о связяхъ организованныхъ въ турецкихъ предѣлахъ козацкихъ поселеній съ запорожскими козаками, странныя выдержки изъ памятниковъ мѣстнаго пѣсеннаго и музыкальнаго творчества. Отбрасывая спеціально-политическую сторону этого труда, авторъ котораго задался цѣлью возвеличить Садыкъ-пашу, нельзя не признать однако, что книга производитъ крайне смутное и тягостное впечатлѣніе. Стремленіе нѣкоторыхъ остатковъ стараго козачества въ турецкіе предѣлы имѣть свое естественное историческое объясненіе; обрисовать тѣ новыя условія, въ которыхъ оказалось пришлое населеніе въ Турціи, разъяснить особенности его быта и обста-

новки—задача, нерѣдко привлекавшая къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей; съ этой стороны, ничего нельзя возразить противъ попытокъ въ этомъ направленіи, съ какой бы стороны онѣ ни исходили. Но издатели помянутой книги взглянули на дѣло нѣсколько иначе—съ узко-политической точки зрѣнія. Историческій обзоръ малорусской колонизаціи въ турецкихъ предѣлахъ занимаетъ въ книгѣ второстепенное мѣсто. Стремленіе народныхъ группъ отыскать свойственныя имъ условія существованія не находятъ правильной оцѣнки въ книгѣ, которая такимъ образомъ имѣетъ цѣну обыкновеннаго политическаго памфлета, т. е. цѣну весьма относительнаго достоинства.

Такъ какъ связанные съ указаннымъ явленіемъ вопросы далеко еще не выяснены надлежаще, то казалось, что всякій новый матеріалъ въ этомъ отношеніи представляетъ самостоятельный интересъ, независимо отъ спеціального освѣщенія его съ точки зрѣнія определенной политической партіи. Сочраженіе это побуждаетъ редакцію дать мѣсто на страницахъ „Кіев. Старини“ воспоминаніямъ заслуженнаго турецкаго дѣятеля, принимавшаго близкое и непосредственное участіе въ дѣлахъ сопредѣленныхъ съ нашимъ отечествомъ славянскихъ областей Турціи. Факты личной дѣятельности покойнаго Садыкъ-паши представляютъ сами по себѣ интересъ второстепенный, но по ходу разсказа выясняются обстоятельства, которыя заслуживаютъ вниманія любителей историческаго чтенія, облегчая знакомство съ событіями и лицами малоизвѣстными или и вовсе неизвѣстными.

Квартируя съ своими отрядами главнымъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней Болгаріи, Садыкъ-паша, естественно, становился иногда въ самыя непримиримыя коллизіи съ своимъ славянскимъ призваніемъ, на которомъ онъ настаиваетъ неизмѣнно. Самая теорія его о роли козачества, какъ основной формирующей и организующей силы славянскаго племени, имѣетъ значеніе развѣ въ смыслѣ оправданія личной непослѣдовательности поведенія автора и неясности конечныхъ цѣлей дѣятельности. Какъ одно изъ своеобразныхъ теченій мысли, выбитой изъ логической колеи, теорія эта тѣмъ не менѣе представляетъ свой интересъ въ смыслѣ историческаго изученія. Небезызвѣстно, что

факты суровой дѣйствительности возникаютъ не въ силу теорій, а, наоборотъ, послѣднія обыкновенно примыкаютъ къ фактамъ, почерпая изъ нихъ матеріалъ для спекулятивныхъ построений. Быть можетъ, никогда еще не возникало построений столь произвольныхъ и смутныхъ, какъ теорія, которую развивалъ покойный турецкій военачальникъ. Между тѣмъ, теорія имѣла притязаніе опереться на историческихъ посылкахъ. Здѣсь будетъ у мѣста обратить вниманіе на то обстоятельство, что для правильной постановки этихъ посылокъ требовалось бы подробное историческое изученіе, а такого изученія именно не доставало покойному Садыкъ-пашѣ. Его экскурсіи въ область польско-русской исторіи до такой степени элементарно-неумѣлы и произвольны въ самыхъ основаніяхъ своихъ, что представляется излишнимъ каждый разъ возстановлять истинной смыслъ и характеръ историческаго явленія, на которое ссылается авторъ. Посвятить свои силы, въ качествѣ литератора, главнымъ образомъ беллетристикѣ, Садыкъ-паша считалъ себя не слишкомъ связаннымъ требованіями историческаго безпристрастія, и беллетристическую манеру свою перенесъ на обсужденіе вопросовъ чисто-историческихъ и культурныхъ. Здѣсь не мѣсто входить въ ближайшую оцѣнку беллетристическихъ работъ покойнаго. Принадлежность ихъ къ т. наз. украинской школѣ въ польской литературѣ, т. е. къ циклу работъ, связанныхъ съ именами Мальчевскаго, Іосифа Залѣскаго, Северина Гоцинскаго и др. польскихъ литераторовъ, не можетъ быть установлена на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ. По выраженію одного изъ историковъ литературы, Чайковскій въ своихъ украинско-польскихъ повѣстяхъ „опошлил“ козачество Украины и ея преданія, и такой суровый приговоръ едва ли можно оспаривать безусловно. Лишь незначительная часть повѣстей и рассказовъ покойнаго переведена на русскій языкъ, а что переведено, то забыто навѣки. Поэтому, быть можетъ, будетъ умѣстнѣе не возвращаться къ этому вопросу. Въ посмертныхъ запискахъ покойнаго имѣется богатый матеріалъ для объясненія характера его литературныхъ работъ.

Къ концу 1870 г. служебныя обстоятельства Садыкъ-паши сложились самымъ неблагопріятнымъ образомъ, онъ долженъ

былъ выйти въ отставку, а въ декабрѣ 1872 года возвратился, съ разрѣшенія властей, въ Россію. Быть можетъ, многимъ еще памятна его политическая исповѣдь (напеч. въ газ. „Кіевлянинъ“ за 1873 г., № 4), имѣвшая цѣлью объяснить поворотъ во взглядахъ, который казался нѣсколько неожиданнымъ для многихъ его соратниковъ и друзей. Полемика, завязавшаяся у Чайковскаго съ заграничною прессой въ связи съ тѣмъ же вопросомъ, кромѣ общей принципиальной основы своей, имѣла цѣлью выяснитъ также и нѣкоторые факты личной дѣятельности его въ Турціи въ качествѣ генерала и человѣка, близкаго къ эмигрантамъ по своимъ стремленіямъ. Нѣкоторыя выдержки изъ этой полемической переписки были напечатаны въ газ. „Кіевлянинъ“ 1873 г. (№№ 134—136). Въ той же газетѣ Чайковскій помѣстилъ небольшую повѣсть „Съ устьевъ Дуная“ („Кіевл.“ 1873 г. №№ 9—27). Кромѣ того, въ „Рус. Вѣстникѣ“ за 1873 г. была напечатана большая повѣсть его „Болгарія“ (№№ 6—11). Повидимому, покойный намѣренъ былъ остаться на жительствѣ въ Кіевѣ и продолжать литературную дѣятельность въ духѣ своей политической исповѣди, но обстоятельства сложились неблагоприятно для литературной работы сколько нибудь замѣтной и вліятельной. Въ уединеніи черниговской деревни покойный собралъ свои воспоминанія съ самаго ранняго дѣтства и вплоть до окончанія служебной карьеры въ Турціи, постарался разсказать свою жизнь въ связной формѣ и вмѣстѣ съ этимъ выяснитъ обстоятельства и характеризовать лицъ, среди которыхъ ему приходилось вращаться. Въ известной степени, автобіографія Чайковскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его profession de foi, и его самооправданіе. Огромный рукописный трудъ покойнаго нерѣдко затрогиваетъ лица и событія, характеристика которыхъ не входитъ въ задачи журнала. Поэтому, извлеченъ былъ главнымъ образомъ матеріалъ, имѣющій значеніе для историческаго изданія. Воспоминанія изъ дней юности, повидимому, утратили въ умѣ покойнаго свою первоначальную свѣжесть, и пробѣлы памяти иногда пополняются поэтому нѣсколько поспѣшно, но самыя ошибки эти представляютъ нѣкоторый интересъ для характеристики настроенія

писателя, жизнь котораго сложилась столь необычнымъ образомъ.

Отдѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ существенное отъ случайнаго, навѣяннаго настроеніемъ и предвзятой доктриной, весьма нетрудно; поѣтому записки печатаются въ неизмѣненномъ видѣ, за исключеніемъ необходимыхъ выпусковъ.

Вопросу о такъ называемомъ козакофильствѣ и роли М. Чайковскаго въ этомъ движеніи была посвящена особая статья въ „Кіевской Старинѣ“, выходящей въ то время подъ редакціей покойнаго Ѳ. Г. Лебединцева („Кіевская Старина“ 1886 г. № 4, стр. 763—777—изложеніе статьи Фр. Равиты въ №№ 7 и 8 польскаго журнала „Нед. Обзорѣніе“ за 1886 г.).

I.

Мое рожденіе и воспитаніе.—Отецъ моей матери.—Хроника Брюховецкаго.—Моя мать.—Учебное заведеніе Вольска.—Учителя; ихъ политическій сеймъ.

Я родился въ селѣ Гальчинцѣ, волынской губ. житомирскаго уѣзда, въ кодненскомъ приходѣ, въ 13 верстахъ отъ Бердичева, этого торговаго Іерусалима израиля, въ придиѣпровской Руси, въ 9 верстахъ отъ „святой“ Кодни, гдѣ карали гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка мечемъ, коломъ и висѣлицей во славу короля польскаго и Рѣчи Посполитой. Такой страхъ былъ наведенъ тогда на украинскій людъ, что до сего дня этотъ людъ, произнося угрозу или проклятіе, повторяетъ: „щобъ тебе свята Кодня не минула!“.

Отецъ мой, Станиславъ Чайковскій, былъ почетнымъ городничимъ кіевскимъ, старостой даничевскимъ, подкоморіемъ житомирскимъ и посломъ на сеймъ 3 мая отъ воеводства кіевскаго. Мать моя была дочь Михаила Гленбоцкаго, войскаго овручскаго и маршалка того же повѣта, и Елены, урожденной Брюховецкой, отъ ея второго брака. Она была внучкой извѣстнаго запорожскаго атамана Ивана Брюховецкаго, который послѣ сорока четырехъ походовъ на Крымъ, Молдавію, московское государство и Польшу, всегда побѣдоносныхъ и ознаменованныхъ убійствами

и пожарами, умеръ отъ горя и гнѣва, что долженъ былъ вернуться отъ Перекопа, сжегши только три города и десятка три сель и взявши въ ясырь лишь около трехъ тысячъ татаръ. Онъ не дошелъ до Сѣчи, сердце его разорвалось отъ боли и онъ скончался въ пустынной степи. Козаки насыпали надъ его тѣломъ высокую могилу.

Послѣ него моей матери досталось въ наслѣдство семь огромныхъ книгъ, переилетенныхъ въ пергаментъ, исписанныхъ имъ собственноручно прозой и стихами по польски, по русски и по латыни. То была странная мозаика рассказовъ, сентенцій, сужденій, рецептовъ, правилъ, исполненныхъ остроумія и мудрости, очень любопытныхъ. Когда я научился азбукѣ и читалъ уже по печатному, я любилъ разбирать по складамъ, а потомъ и читать въ такихъ родовыхъ хроникахъ эти драгоценныя писанья. Это было вторымъ Евангеліемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ.

Отецъ моей матери, Михаилъ Гленбоцкій, былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей на Волыни и Украинѣ шляхты, занятой озорничествомъ и наѣздами. Онъ былъ грознымъ шляхтичемъ для козаковъ, гордымъ козакомъ для ляховъ и завзятымъ полякомъ для русскихъ и нѣмцевъ. Хоть человекъ стариннаго покроя, онъ былъ не дуракъ, умѣлъ и скопить, и пожить.

Назначенный вмѣстѣ съ региментаремъ Стемпковскимъ судить и карать гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка, имѣя въ своихъ рукахъ *jus gladii* (право жизни и смерти), онъ разсудилъ такъ: „если убьешь или повѣсишь человекъ, онъ не будетъ уже отработывать ни „панцины“, ни „даровизны“. Онъ поилъ токайскимъ и портвейномъ региментаря Стемпковского, а гайдамаковъ по десятку и по два выпускалъ на свѣтъ Божій, и отправлялъ на слободы, чтобы они калялись въ грѣхахъ, отбывая панцину во славу Божию и на пользу пана войскаго овруцкаго. Такимъ образомъ онъ населилъ шесть сель: Солотвинъ, Гальчинець, Зарбинцы, Сѣмаки, Агатовку и Раскопаную Могилу.

Кодня и три села принадлежали стольнику Гленбоцкому, племяннику войскаго. Послѣ смерти первой жены, отъ которой онъ имѣлъ троихъ дѣтей: мою мать, Михаила и Фелиціана Гленбоцкихъ, войскій женился на вдовѣ племянника, имѣвшей

отъ перваго мужа двухъ дочерей: Станиславу и Анну, и прижилъ съ этой второй женой двухъ сыновей: Яна-Канта и Иосифа Гленбоцкихъ. Тогда то онъ завладѣлъ Кодненщиной, а послѣ первой жены получилъ Пархимовщину въ дальней Украинѣ, Зороковщину въ житомирскомъ повѣтѣ; отъ предковъ же онъ унаслѣдовалъ Голубовщину въ лѣсахъ овруцкихъ, и Видыборъ и Жадки въ радомысльскомъ повѣтѣ, словомъ онъ былъ, какъ говорится, *панъ на всю зубу*. И вездѣ хозяйство его шло наилучшимъ образомъ.

Когда я сталъ уже одѣваться по козацки, Гленбоцкій, хотя войска Наполеона уже ушли изъ Россіи, безпрестанно собирався на войну, на помощь великому Наполеону, но самъ то онъ едва могъ двигать ногами. Русское правительство, принимая во вниманіе возрастъ, значеніе среди мѣстныхъ помѣщиковъ и состоятельность моего дѣда, а также въ виду заслугъ одного изъ моихъ дядей въ русскомъ императорскомъ войскѣ, смотрѣло сквозь пальцы на несбыточныя фантазіи стараго войскаго.

На его дворѣ было 300 вооруженныхъ конныхъ козаковъ подъ предводительствомъ усатаго атамана, по прозванію Пшеничнаго. Было у дѣда много „резидентовъ“ или личныхъ адъютантовъ, а именно: ротмистръ драгунскаго полка королевы Ядвиги панъ Дрозджевскій, панъ Игнатій Стржемецкій, придворный поэтъ панъ Кожуховскій, который писалъ стихи безъ риѣмы и безъ соблюденія размѣра, нѣсколько длинные для уразумѣнія содержанія, и русскій статскій совѣтникъ панъ Шилькнехтъ, лѣкарь-курляндець, который лѣчилъ пана войскаго и редактировалъ для него газетныя извѣстія о побѣдахъ Наполеона и воззваніяхъ этого богатыря къ пану войсковому овруцкому, и за это получилъ въ подарокъ хорошенькое сельцо изъ ключа, танувшаго къ Зорокову, гдѣ проживалъ мой дѣдушка.

Людно было у пана войскаго, и все онъ собирався на войну: трубы трубили подъ окнами, козаки Пшеничнаго на украинскихъ скакунахъ гарцовали по двору, вороной конь пана войскаго, на котораго онъ никогда не садился, богато осѣдланый, ржалъ у крыльца, а самъ панъ войскій поглаживалъ пистолеты и саблю, хотѣлъ подняться, не поднялся, упалъ въ

кресло и закричалъ: „Ну, бѣда не велика. Василько! дай ромашки, завтра поѣдемъ, пускай Пшеничный велитъ завтра готовиться въ походъ, а пана совѣтника Шилькнехта попроси написать великому Наполеону отъ меня, что я мигомъ поспѣшу!“

И эти сборы, и это откладыванье похода на завтра повторялись ежедневно.

Когда мой отецъ прислалъ къ дѣдушкѣ гонца съ увѣдомленіемъ, что у него родился внукъ, панъ войскій обрадовался и воскликнулъ: „пускай его назовутъ Михаиломъ и не прибавляютъ больше ни одного имени, пускай Архангелъ будетъ его хранителемъ и никто другой, такъ будетъ хорошо!“.

Удивительный человекъ былъ панъ Михаилъ Гленбоцкій. Гордый шляхтичъ, оригиналъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ имѣлъ и хозяйственный умъ, и сердце, любилъ Польшу, но по своему, и когда гордость овладѣвала имъ, все отходило на второй планъ; какъ настоящій лѣсной вепрь, онъ фыркалъ и разилъ клыккомъ направо и налево, куда попало, и безпрестанно повторялъ:

„Я шляхтичъ, но не нынѣшній; еще при Ягеллонахъ славны были Доливы (гербъ Гленбоцкихъ); когда имъ не хватило мѣста, они пошли козаковать на Днѣпръ и за пороги. Гленбоцкій заложилъ Глубокое, и полкъ гленбоцкій былъ такъ же славенъ, какъ полтавскій, нѣжинскій. Когда Мазепа наварилъ пива, Гленбоцкіе пили его до дна вмѣстѣ съ Войнаровскими, Киселевскими, Городинскими. То были Гленбоцкіе, а не кто другой!“

Такъ онъ настраивалъ себя, ворча подъ носъ, а потомъ кричалъ по своему обыкновенію.

Генералъ Корженевскій, въ то время бригадиръ литовской народной кавалеріи, владѣлецъ трехъ городовъ и нѣсколькихъ десятковъ сель, добивался руки моей тетки Станиславы Гленбоцкой. Такъ какъ войскій слышалъ, что бригадиръ былъ противникомъ барской конфедераціи и имѣлъ сношенія съ гетманомъ Браицкимъ, то не хотѣлъ согласиться на этотъ бракъ. Дѣвушка, съ согласія и вѣдома матери и братьевъ, убѣжала; послѣ вѣнца молодые пріѣхали и пали въ ноги войскому. Войскій схватилъ

палку и до тѣхъ поръ билъ лежавшаго бригадира, пока палка не сломалась. Тотчасъ однако далъ за дочьрю Кюдню, сдѣлалъ пышное приданое, не жалѣлъ денегъ, но до смерти не хотѣлъ видѣть этихъ супруговъ.

Таковъ то былъ мой дѣдушка, любимцемъ котораго я сталъ съ самаго рожденія. Умирая, отецъ оставилъ меня почти груднымъ ребенкомъ, а мать, молодая, одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ на Украинѣ, умная, богатая, не хотѣла вступить въ новый бракъ, хотя ея руки искали многіе. Она хотѣла выростить изъ единственнаго сына настоящаго козака. По волѣ дѣда, меня одѣли по козацки, на голову надѣли козацкую шапку, къ которой было прикрѣплено перо цапли, какъ у давнихъ гетмановъ украинскихъ и запорожскихъ.

Разъ дѣдъ пригласилъ мѣстнаго старосту, и двухъ почтенныхъ помѣщиковъ сосѣдей, въ качествѣ свидѣтелей, и сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ записалъ мнѣ все свое значительное имѣніе, выдѣливъ своимъ четыремъ сыновьямъ части, которыми они владѣли, а дочерямъ то, что было уже отдано имъ въ приданое. Взявъ меня за подбородокъ, онъ сказалъ:

„По мнѣ козакъ—это и есть шляхтичъ!“ и, показывая гербовую печать отца, прочиталъ на ней девизъ: „Богъ и я со мною!“

„Видишь, вапа милость, ни на кого не надѣйся, какъ только на Бога и на себя, а Богъ тебя не оставитъ!“

Все это врѣзалось мнѣ въ память.

Это завѣщаніе мать моя, по смерти дѣда, возвратила роднымъ и на мою долю не досталось ничего, кромѣ настроенія на высокой тонъ, да козацко-шляхетскаго воспитанія, какое было мнѣ дано.

Мать моя, помимо любви и привязанности, которыя она питала къ своему единственному сыну, всѣми силами старалась сдѣлать изъ меня козака и по духу, и по плоти. Гончихъ, лошадей, соколовъ — всего было у меня въ избыткѣ. Первымъ моимъ учителемъ былъ панъ А., страстный украинецъ — козакъ, и большую часть своихъ уроковъ я бралъ, сидя на конѣ. Кромѣ этого учителя, у меня былъ старикъ дядька, по имени Левко, который рассказывалъ мнѣ сказки о знахаряхъ и чаро-

дѣяхъ, передавалъ казацкія преданія, показывалъ въ окрестностяхъ урочища, гдѣ происходили различныя битвы, и пѣлъ козацкія думки. Мать мнѣ всегда повторяла: „Не трогай чужого имущества и не вмѣшивайся въ чужія дѣла, но и не позволяй мѣшаться въ твои; совѣта слушай, но имѣй свое мнѣніе, а если что началъ дѣлать, то дѣлай, не позволяй себѣ бросать начатаго дѣла ни изъ-за трудности его, ни изъ страха; никому на навязывайся со своимъ мнѣніемъ, но никому не позволяй пренебрегать имъ; въ своей жизни будь не тростью, а дубомъ; въ сто разъ лучше позволить сломить себя, разбить въ дребезги, чѣмъ гнуться то въ ту, то въ другую сторону; предъ низшими не задирай головы, а предъ высшими не гнись въ дугу; на людскія дѣянія не смотри, а за свои отвѣчай иредъ Богомъ и самимъ собою. Живи по божески.

Кромѣ меня у моихъ родителей было пять дочерей. Старшая, Маріанна, вышла замужъ за Карла Ружицкаго; Анна умерла на седьмомъ году; Пелагея, умершая на 18-мъ, была чрезвычайно красива; Катерина вышла за Іосифа Сосницкаго, надворнаго совѣтника; и Алоиза, которая, по неосторожности мамки, осталась калѣкой. Въ семьѣ мы очень любили другъ друга. Я былъ любимцемъ не только моихъ сестръ, но и всей фамиліи Чайковскихъ, а особенно Θεодосіи Чайковской, впоследствии жены маршалка Третьяка, женщины съ горячимъ сердцемъ и пылкимъ воображеніемъ, рожденной быть женщиной — богатыремъ прежнихъ временъ; родъ Ястрембцевъ былъ для нея святыней; слава и значеніе этого рода были для нея навѣрное дороже ея личнаго счастья. Она и моя сестра Ружицкая дали мнѣ наиболѣе доказательствъ своей привязанности; моя сестра любила меня, какъ брата, а Θεодосія Третьякова, какъ Чайковскаго-Ястрембца.

На девятомъ году меня отдали въ школу.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны 1812 г. нѣкто Вольсей, изъ знатной англійской фамиліи, въ награду за преподаваніе великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, братьямъ императора Александра I, былъ назначенъ директоромъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. Наплывъ учениковъ былъ большой и лицей пользовался отличной репутаціей, вполне заслуженной. Ве-

ликороссы, поляки и украинцы различныхъ фамилій присылали своихъ дѣтей въ это заведеніе. По ничтожному поводу возникло разногласіе между княземъ Воронцовымъ, намѣстникомъ Новороссіи, и Вольсемъ; гордый англичанъ подалъ въ отставку и переселился въ Бердичевъ, гдѣ князь Матвѣй Радзивилль далъ ему обширный домъ съ прекраснымъ паркомъ и 300,000 злотыхъ польскихъ на устройство лица.

Три четверти учениковъ и почти всѣ учителя перешли изъ Одессы въ Бердичевъ.

Вольсей очень любилъ рассказывать о причинѣ своего перехода и проводить параллель между кн. Воронцовымъ и кн. М. Радзивилломъ.

Обыкновенно въ Одессѣ при Вольсеѣ каждое воскресенье десять учениковъ по очереди бывали на обѣдѣ и на вечерѣ у новороссійскаго намѣстника. Однажды, по случаю прибытія гетманши Бравицкой, кн. Воронцовъ прислалъ къ Вольсею адъютанта, скорѣе, вѣроятно, съ просьбой, чѣмъ съ приказаніемъ, чтобы въ числѣ 10 учениковъ находился и молодой Воронцовъ. Вольсей отвѣтилъ, что за лѣность молодой Воронцовъ не пойдеть на вечеръ. Адъютантъ явился вторично, но уже съ приказаніемъ, чтобы молодой Воронцовъ былъ на вечерѣ. Тогда Вольсей велѣлъ ему вывернуть мундиръ подкладкой наружу и такъ одѣтаго привезъ самъ во дворецъ и сдалъ на руки отцу, вручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ прошеніе объ отставкѣ. Ничто не могло отклонить его отъ этого шага, даже настоянія кн. Воронцова и другихъ лицъ.

Въ Бердичевѣ въ школѣ Вольсея былъ родной племянникъ князя Матвѣя, князь Францискъ Радзивилль. Онъ питалъ величайшее отвращеніе ко всякой наукѣ. Послѣ всевозможныхъ попытокъ и наказаній, Вольсей отослалъ его къ дядѣ съ письмомъ, гдѣ говорилъ, что было бы безсовѣстно брать деньги за такого олуха, котораго нельзя ничему научить. Князь Матвѣй оставилъ племянника у себя, а Вольсею послалъ новую запись на 50,000 злотыхъ польскихъ, долженствовавшихъ служить вѣчнымъ фундашемъ для воспитанія двухъ Ржевускихъ, разысканіе которыхъ между бѣдными Ржевускими возлагалъ на Вольсея, говоря, что

старая польская пословица гласить: „никто еще не видѣлъ умнаго Радзивилла такъ же, какъ никому не случилось встрѣтить глупаго Ржевускаго“, поэтому, если Радзивиллы не хотятъ учиться, а имѣютъ деньги, то пусть платятъ, а Ржевускіе пусть учатся, потому что Польшѣ нужны умные люди.

Заведеніе Вольсея было совершенно отлично отъ всѣхъ другихъ, какія существовали въ краѣ и какія мнѣ приходилось встрѣчать въ моихъ путешествіяхъ по чужимъ странамъ.

Въ основаніи его лежали военные порядки въ полномъ смыслѣ этого слова. Приходящихъ не было, были только одни интерны. Въ училищѣ было шесть классовъ; каждый классъ отличался отъ другихъ выпушками различныхъ цвѣтовъ на гранатовомъ мундирѣ уланскаго покроя. Въ первомъ классѣ воротникъ, обшлага, лампасы и выпушки были ярко зеленые, во 2-мъ — свѣтло-голубые, въ 3-мъ — желтые, въ 4-мъ — бѣлые, въ 5-мъ — пунсовые, въ 6-мъ — малиновые. У всѣхъ были пики со значками и деревянные палашы. Воспитанники по очереди исполняли обязанности унтеръ-офицеровъ, а въ каждомъ классѣ былъ инспекторъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности офицера.

Ночью, по очереди, отбывали караулы въ разныхъ мѣстахъ у воротъ. Обходы и патрули ходили по огромному дубовому парку, чтобы воспитанники привыкали къ службѣ и отвагѣ.

Обязательно учили обращаться съ оружіемъ и ѣздить на конѣ. Кто хотѣлъ, могъ держать своего коня, а у кого коня не было, тотъ ѣздилъ на лошадяхъ заведенія.

Въ каждой комнатѣ жило по десяти учениковъ, и къ нимъ былъ приставленъ особый инспекторъ; по очереди каждый ученикъ въ комнатѣ былъ служителемъ; на немъ лежала обязанность заботиться о чистотѣ комнаты и самихъ учениковъ; каждый ученикъ долженъ былъ самъ стлать постель и держать въ порядкѣ свои вещи; служителя должны были только чистить сапоги и одежду и приготавливать воду для умыванья.

Одѣвшись, всѣ выходили въ большую залу, а въ хорошіе и теплые дни на крыльцо въ садъ, гдѣ за столами съ приборами для кофе и чаю сидѣла г-жа Вольсей и другія по-

чтенныя дамы, которыхъ въ заведеніи было нѣсколько, и наливали кто чего хотѣлъ, кофе или чаю. Съ учениками обходились какъ со взрослыми людьми. Если кто чѣмънибудь злоупотреблялъ или велъ себя неприлично, то его не наказывали тотчасъ, а инспектора зорко слѣдили за нимъ и все, что замѣчали, тотчасъ записывали въ книжечки и вносили въ рапорты.

Послѣ чаю шли учиться.

Въ десятомъ часу утра былъ завтракъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, отлично приготовленныхъ. Было шесть большихъ столовъ. За однимъ предсѣдательствовалъ самъ Вольсей, за другимъ—г-жа Вольсей, за прочими—наиболѣе уважаемые профессора. Передъ завтракомъ всѣ служащіе подавали Вольсею письменные рапорты. Онъ ихъ читалъ, часто вызывалъ какогонибудь ученика изъ-за стола, осматривалъ его одежду, смотрѣлъ, вымыты ли у него уши и руки. Приходили съ рапортами учителя и инспектора. Передъ обѣдомъ читалось о назначенныхъ наказаніяхъ и замѣчаніяхъ или похвалахъ, кто чего заслужилъ. Послѣ обѣда—прогулка въ паркѣ или за городомъ, а послѣ прогулки—въ комнатахъ—чай, разговоры и разныя забавы.

По воскресеньямъ и праздникамъ чаще всего приходилъ пансіонъ пани Вигилиновой, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ дѣвицъ; приходили и разные гости; была музыка, танцы. Каждый ученикъ долженъ былъ учиться танцовать и играть на какомънибудь инструментѣ, который самъ себѣ выбиралъ. Иногда ходили на вечера къ пани Вигилиновой и въ частные дома, нѣсколько человекъ по очереди. На этихъ собраніяхъ Вольсей больше всего остерегался наказывать учениковъ, но старался обходиться съ ними какъ съ людьми взрослыми, свѣтскими, а ихъ прегрѣшенія заносились въ рапорты, куда записывались успѣхи въ наукахъ, выговоры, наказанія, какія кто заслужилъ.

Тѣлесныхъ наказаній не было, но были разныя другія; о нѣкоторыхъ изъ нихъ упомяну. На малую порцію, въ больницу—велятъ хворать въ видѣ наказанія; кормили тамъ овсянымъ супомъ, въ учебные часы одѣвали въ мундиръ и отправляли въ

классы, по окончаніи уроковъ опять надѣвали халатъ и колпакъ, и маршь въ больницу! И такъ иногда держали по цѣлымъ недѣлямъ. Военные аресты, двойная служба, устраненіе отъ забавъ и прогулокъ.

По понедѣльникамъ и вторникамъ мы говорили обязательно по французски, по средамъ по русски, по четвергамъ по польски, по пятницамъ по нѣмецки, по субботамъ по латыни, въ воскресенье кто на какомъ языкѣ хотѣлъ; за нарушеніе правилъ о языкахъ полагались денежные штрафы въ пользу бѣдныхъ.

Науки проходились по программамъ, предписаннымъ комиссіей, въ которой предсѣдательствовалъ кн. Адамъ Чарторыйскій, а однимъ изъ членовъ былъ Оаддей Чацкій.

Преподаватели были выборные. Между ними были: Артымовскій, впоследствии профессоръ польской литературы въ петербургскомъ университетѣ и ректоръ этого университета (?), два Антоновича, одинъ математикъ, другой физикъ, Максимовичъ, которому Украина обязана сборникомъ народныхъ пѣсень (?), Падура, пѣвецъ козачества, Кисловскій, издатель бердичевского календаря босыхъ кармелитовъ, астрономъ бердичевской обсерваторіи, генераль графъ де-Линьи, французскій эмигрантъ, Курць, знаменитый танцоръ изъ балета короля Станислава, и Черни, извѣстный въ музыкальномъ мірѣ музыкантъ и композиторъ. Полковникъ Ободынкій давалъ уроки верховой ѣзды, какъ знатокъ искусства.

Науки преподавались такъ хорошо, что послѣ посѣщеній графа Плятера и фельдмаршала Гудовича, попечителя учебныхъ въ юго-западной Россіи Украинѣ, заведеніе Вольсея было сдѣлано губернской гимназіей и получило всѣ права съ этимъ связанныя. Я долженъ сказать, что когда я по смерти Вольсея оставилъ Бердичевъ и отправился въ межирицкій лицей ксендзовъ піаровъ, то все, что я проходилъ въ 3-мъ классѣ въ Бердичевѣ, проходило на курсахъ въ Межиричѣ и даже въ варшавскомъ университетѣ.

Учениковъ было 180. Поляки и козаки разныхъ фамилій составляли большинство учениковъ, но было много и русскихъ, какъ напр. Козловъ, впоследствии извѣстный поэтъ (?), Лавровъ,

беллетристъ, три брата Игнатьевы, Александръ, Константинъ и Сергѣй, нѣсколько братьевъ Игельстромовъ; изъ поляковъ Баневскій, Проскура, Краевскіе и мн. др.; изъ козаковъ—Иловайскіе, Дмитріевъ, Чернозубовъ, нѣсколько Орловыхъ и Денисовыхъ, Платовъ и два брата Гирей изъ Крыма. Это была славянская мозаика, но козацкій духъ бралъ верхъ и первенствовалъ потому, что преподаватели были горячими украинцами, и потому, что въ этомъ бердичевскомъ кружкѣ приготовлялись: запорожская старина, дума объ украинскихъ гетманахъ, пѣсни козацкія и малорусскія и столько иныхъ произведеній, которыя позднѣе вышли въ свѣтъ въ Харьковѣ, такъ какъ всѣ эти знаменитые люди, по смерти Вольсея, перешли въ харьковскій университетъ и были его профессорами. Они были творцами украинской школы, которая потомъ перешла за Днѣпръ и дала извѣстныхъ литераторовъ, поляковъ - украинофиловъ, и достойно вниманія, что почти всѣ эти господа были родомъ изъ окрестностей Махновки Мурованой (?) въ нынѣшнемъ бердичевскомъ уѣздѣ.

Какъ въ Бердичевѣ, такъ и въ Гальчинцѣ, куда въ каникулярное время съѣзжались эти профессора посѣтить мою мать, какъ дочь шляхтича-козака, я не разъ былъ свидѣтелемъ ихъ разговоровъ. По своимъ мнѣніямъ они дѣлились на два лагеря.

Одни были за восстановленіе козачества, какъ рыцарскаго сословія, которое въ славянщинѣ должно быть тѣмъ, чѣмъ крестоносцы и меченосцы были въ Германіи, тампліеры и мальтійскіе рыцари въ странахъ латинскихъ; доказывали, что при посредствѣ козацкаго сословія можно снова облагородить польское и русское дворянство, которое уже начало забывать о воинственности, которое пересаживается съ коня въ экипажи и готовить себѣ плохую будущность, упадокъ; доказывали, что въ козацествѣ сила, потому что, когда послѣ пораженія подъ Берестечкомъ Богдавъ Хмельницкій, этотъ обновитель Руси, не могъ найти въ ней ни жизненности, ни силы и отчаявался въ Путивлѣ, тогда Иванъ Выговскій написалъ универсалъ: „отъ Донца и низовыхъ степей по Случь и за Случь каждому быть козакомъ!“ Черезъ нѣсколько дней Богдавъ имѣлъ 100,000 ко-

заковъ, готовыхъ къ бою, и шелъ подь Бѣлую Церковь вознаграждать злую случайность Берестечка; потому что козакъ—шляхтичъ, рыцарь, а посполитство—хлопство, община, громада, чернь, сволочь!

Противники отвѣчали, что предъ Богомъ все люди равны, что такъ должно быть и по человѣческому праву, припоминали какіе то порядки великаго Новгорода, древнія учрежденія стараго Кіева. Прочь со шляхетствомъ и съ козацествомъ! говорили они, мы хотимъ свободы общины и основанной на ней свободы народности! Хотимъ Руси!

Первые возражали: безъ козачества, безъ дворянства у васъ будетъ демократія Гонты и Желѣзняка, убійства, пожары и опустошенія. Вотъ ваша Русь!

Тѣ опять отвѣчали: ваше козачество—бичъ на людъ Божій.

Вынимались старыя книги: лѣтописи Нестора, новгородскія, обращались даже къ хроникѣ моего прапрадѣда Брюховецкаго. Спорили, даже ссорились, расходились и снова сходились и остановились на томъ, что сынъ вдовы Остафій, сынъ Дашка Вишневецкаго, Богданъ Ружинскій, Петръ Конашевичъ-Сагайдачный и Иванъ Выговскій были дѣйствительно великіе вожди козацкаго сословія, славные мужи, аристократы рыцарства не только козацкаго, но и всеславянскаго, что Богданъ Хмельницкій, въ пьяномъ видѣ (?), изъ-за личныхъ счетовъ, изъ-за вынесенныхъ обидъ, оживилъ древнюю Русь, которая, разъ добровольно пристала къ Россіи и Литвѣ, не можетъ существовать иначе, какъ подь скипетромъ царя русскаго или короля польскаго. Тотъ надъ ней господствуетъ, кто сильнѣе и разумнѣе. Русь Хмельницкаго была накипью, которая приводила къ накипи, къ демократіи, которая перевернула столько властей, истребила столько народа въ старое время, что Мазепа нечистыми способами, потому что они были іезуитскими, хотя самъ онъ и былъ православнымъ, хотѣлъ вернуться къ аристократіи, но ему это не удалось и онъ *нашелъ выходъ*, который былъ пагубнымъ для всякой народности; что Гонта былъ явнымъ вождемъ демократіи убійствъ, пожаровъ и истребленія, стремившейся къ уравнию всего.

Наконецъ согласились, что все зло не можетъ быть исправлено ничѣмъ инымъ, какъ всеславянствомъ, столицей котораго долженъ быть старый Кіевъ; что кто будетъ владѣть этимъ городомъ, чьей столицей онъ станетъ, тотъ будетъ господиномъ и владыкой стомилліоннаго славянства.

Все это я усердно слушалъ и запомнилъ, какъ Отче нашъ, какъ десять заповѣдей. Съ того дня, я безпрестанно думалъ объ этомъ козацко-славянскомъ союзѣ, ночью видѣлъ его во снѣ. Вся номенклатура: козачество, аристократія, демократія, всеславянство—гвоздемъ засѣла въ моей головѣ; съ этими понятіями я росъ, не отступалъ отъ нихъ въ моей политической жизни, и на мнѣ оправдалась пословица: каковъ съ молоду, таковъ и на старость.

II.

Закрытіе лица Вольсея.—Фельдмаршалъ Гудовичъ—Русскіе гусары и польскіе офицеры.—Тампліеры.—Императоръ Александръ.—Графъ Урургъ.—Староста Бахтинскій.—Пары и базилиане.

Учебное заведеніе Вольсея существовало только три года. Этотъ знаменитый человѣкъ умеръ, и его заведеніе, несмотря на правительственное признаніе его гимназій кievской губерніи, распалось. Среди людей науки, которыми тогда изобиловала русская земля, можно было найти директора на мѣсто Вольсея, но возникли недоразумѣнія, учебнаго и политическаго характера, между графомъ Плятеромъ, визитаторомъ трехъ губерній отъ имени виленскаго университета, и фельдмаршаломъ Гудовичемъ, главнымъ попечителемъ учебныхъ заведеній въ этихъ губерніяхъ.

Графъ Плятеръ, человѣкъ просвѣщенный и ученый, но воспитанный іезуитами, приверженецъ ихъ доктрины, которая прежде всего имѣла въ виду римско-католическую церковь, единую и всеобщую, укрѣпленіе связи польской народности съ западомъ и отторженіе ея отъ востока, съ опасеніемъ смотрѣлъ на лицей, который въ полномъ смыслѣ слова 'тянулъ къ востоку и который, вслѣдствіе военныхъ основъ своихъ, прихо-

дился по сердцу польской шляхты, бывшей въ ту пору очень воинственной и нерасположенной къ іезуитскимъ доктринамъ. Первѣйшія семейства посылали своихъ дѣтей въ лицей Вольсея. Кременецъ,—этотъ истинный свѣточъ на Волини, дѣло князя Адама Чарторыйскаго и Ѡаддея Чацкаго,—который выпустилъ столько людей, славныхъ въ различныхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ, который вводилъ въ польскіе салоны французскіе обычаи и языкъ, который былъ исключительно польскимъ по своимъ стремленіямъ, безъ всякаго братанья съ прочими славянами російской имперіи,—сталъ беспокойнымъ окомъ поглядывать на новое заведеніе, на его политическое направленіе и внутренній строй, и вліялъ на усиленіе опасеній графа Плятера, которому училище кременецкое было милѣе бердичевского.

Графъ Плятеръ былъ весьма ревностный католикъ, но все же его не такъ тревожило кременецкое вольтерьянство, къ которому онъ такъ привыкъ, какъ бердичевское козачество, напоминавшее ему злые часы Польши и Литвы и вѣшанье іезуитовъ, которыхъ братали съ жидами на висѣлицахъ. По смерти Вольсея онъ хотѣлъ, чтобы директоромъ былъ назначенъ католическій ксендзъ. Кн. Матвѣй Радзивиллъ отказывался отъ записи на лицей подъ управленіемъ ксендза; онъ имѣлъ большія неудовольствія съ католическимъ духовенствомъ, которое вытянуло у него большія суммы за разводъ его племянницы Юліи Радзивиллъ съ маршалкомъ Юдицкимъ и за разрѣшеніе вступить съ нею въ бракъ. Фельдмаршалъ Гудовичъ не утвердилъ ксендза и присоединилъ свой любимый лицей къ харьковскому университету.

Благодаря ревностному католицизму была сдѣлана великая ошибка. Не сумѣли воспользоваться расположеніемъ Гудовича, какъ умѣлъ пользоваться Чацкій.

Фельдмаршалъ Гудовичъ былъ истиннымъ украинскимъ козакомъ, гордый своимъ польскимъ шляхетствомъ, пожалованный за взятіе Анапы, крѣпости на чистомъ пескѣ, фельдмаршаломъ, онъ считалъ себя лучшимъ воиномъ на свѣтѣ. Онъ былъ человѣкъ мало образованный, но почтенный и очень любилъ козачество.

По удаленіи кн. Адама Чарторыйскаго отъ должности попечителя учебныхъ заведеній, на это мѣсто былъ назначенъ

фельдмаршалъ Гудовичъ, а Ѳаддей Чацкій попалъ подъ его начальство.

Разсказывали что когда то въ случайномъ разговорѣ, фельдмаршалъ спросилъ Чацкаго, кого онъ считаетъ первымъ изъ живущихъ теперь полководцевъ.

— Покорителя Анапы.

Фельдмаршалъ вскочилъ съ кресла и обнялъ Чацкаго.

— Вижу, справедливо, что ты первый мудрецъ въ теперешнее время.

Съ этого времени Чацкій что хотѣлъ, то и дѣлалъ, а фельдмаршалъ на все соглашался, все утверждалъ.

Одинъ изъ сыновей фельдмаршала былъ женатъ на Залѣсской, сестрѣ маршалка Северина Залѣскаго, нашего сосѣда. Фельдмаршалъ, который давалъ банкетъ профессорамъ, уѣзжавшимъ въ Харьковъ, пригласилъ на этотъ пиръ маршалка Залѣскаго, моего дядю Яна-Канта Гленбоцкаго, бывшаго товарищемъ по полку сыновей Гудовича, и велѣлъ, чтобы и меня привезли съ собою. Въ теченіе нѣсколькихъ дней шли великіе пиры, охоты, рыбныя ловли, танцы, пѣніе, музыка. Вся окрестная шляхта была приглашена. Была большая охота и облава съ гончими и сѣтями на волковъ. Я видѣлъ тогда, какъ старшій фельдмаршалъ подходилъ къ мужикамъ, называлъ ихъ по именамъ, припоминалъ прежнія охоты, у одного выпилъ водки, у другого взялъ кусокъ запеченной солонины на пробу, хороша ли. Мальчишкамъ давалъ лакомства, садился у костра, и мужики пѣли ему украинскія думы, а мальчишки плясали передъ нимъ трепака и въ присядку, а онъ приговаривалъ: „туда-сюды“, и въ этомъ былъ секретъ привязанности мужиковъ къ фельдмаршалу Гудовичу, которая доходила до обожанія. Фельдмаршалское величіе онъ оставлялъ во дворцѣ къ Чечельникѣ, а на охотѣ Гудовичъ, козакъ-шляхтичъ, брался съ народомъ.

Цѣлые три мѣсяца я оставался у матери и родственниковъ по закрытіи заведенія Вольсея, гдѣ провелъ лучшіе часы моей жизни. Пользовавшійся расположеніемъ директора, оцѣненный моими учителями, любимый товарищами, особенно козаками и русскими, которые впоследствии дали мнѣ доказатель-

ства своей пріязни, горячей и постоянной, сознаю, что если я чему нибудь научился и что нибудь теперь знаю, то всё́мъ я обязанъ славнымъ учителямъ этой школы.

Падура, упрощенный дядей Кантомъ Гленбоцкимъ, оставался при мнѣ въ качествѣ учителя. Съ нимъ проводили мы цѣлыя часы за пересчитываніемъ хроники атамана Брюховецкаго. Остальное время мы охотились и ѣздили къ сосѣдямъ. Въ домѣ моей матери всегда было полно гостей и между ними очень много военныхъ, поляковъ и русскихъ. Это было въ послѣдніе годы царствованія Александра I, когда замѣтно было стремленіе правительства къ сближенію поляковъ и русскихъ, особенно военныхъ. Въ Бердичевѣ была главная квартира гусарской дивизіи, состоявшей изъ 4 полковъ: александрійскаго, ахтырскаго, маріампольскаго и принца Оранскаго. Это были полки, кутившіе, можетъ быть, слишкомъ по гусарски, но состоявшіе изъ офицеровъ, прескрасно воспитанныхъ и принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ Россіи, Польши и Курляндіи.

Въ Ковлѣ былъ штабъ отряда польской пѣхоты, пяти конныхъ стрѣлковыхъ полковъ и четырехъ уланскихъ. Тамъ также былъ очень старательный подборъ офицеровъ, это все были люди, отличившіеся въ наполеоновскихъ войнахъ, изъ почтенныхъ семействъ и хорошаго воспитанія.

Въ Житомирѣ была главная квартира корпуснаго командира, генерала Рота, родомъ эльзасца, бывшаго до французской революціи капитаномъ королевскаго нормандскаго полка, впоследствии эмигрировавшаго и вступившаго въ русскую службу. Онъ былъ хорошей генераль, отлично воспитанный человекъ, но суровый и требовательный по службѣ. Поэтому къ нему была прислана третья дивизія гусаръ для исправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было ознакомить другъ съ другомъ и сблизить поляковъ и русскихъ.

Скажу нѣсколько словъ, каковы были эти гусары. Не видано было ничего красивѣе, ничего воинственнѣе, какъ гусары на коняхъ на учебномъ плацу: кивера на бекрень, ментики развѣваются вѣтромъ, кони рвутся подъ всадниками, сабли свистятъ въ воздухѣ, а земля трескалась съ шумомъ и стономъ,

когда кони ударили по ней копытами, а гусары кричали „ура! ура!“ Первый полкъ былъ маріампольскій, темносиній съ золотомъ, на гвѣдыхъ коняхъ; командовалъ имъ полковникъ Снарскій, литвинъ, зять фельдмаршала Витгенштейна. Другой, ахтырскій, табачнаго цвѣта съ золотомъ, на караковыхъ коняхъ; имъ командовалъ богачъ полковникъ Пашковъ, который покупалъ на свои деньги лошадей для полка. Третій, александрійскій, черный съ серебромъ, на вороныхъ коняхъ, подъ командой полковника Катарджи, бессарабца, дѣятельнаго командира. Четвертый, принца Оранскаго, темносиній, доломаны красные съ серебромъ и красные кивера, на сѣрыхъ коняхъ, подъ командой барона... курляндца, потомка рыцарей-меченосцевъ; полкъ этотъ назывался полкомъ Георгіевъ на коняхъ.

Въ салонахъ гусары, вопреки стихамъ Давидова, танцовали на паркетѣ, разговаривали о Жомини, и конечно ни въ одной странѣ не было болѣе образованныхъ и свѣтскихъ офицеровъ и быть не могло.

Ихъ гусарскія штуки, при всей своей жесткости, заключали въ себѣ много забавнаго, много остроумнаго, много оригинальнаго. Душею этихъ проказъ былъ графъ Штакельбергъ, ротмистръ александрійскаго полка. Расскажу о нѣкоторыхъ.

Феликсъ Залѣскій, маршалокъ кіевскаго повѣта, имѣлъ обыкновеніе обращать вниманіе на количество лошадей, запряженныхъ въ экипажи приѣзжавшихъ къ нему гостей и сообразно этому количеству назначалъ гостямъ высшее или низшее мѣсто за своимъ столомъ. Графъ Штакельбергъ зналъ объ этомъ обыкновеніи. Въ день именинъ, на которыя съѣхались важные сановники—фельдмаршалъ баронъ Сакенъ, генералъ Ротъ, губернаторъ, генералы,—когда всѣ уже были въ гостиныхъ, вдругъ услышали звонъ колокольчиковъ, а на длинной плотинѣ, ведущей ко двору маршалка, увидѣли рядъ троекъ. Впереди десять троекъ, одна за другой и на каждой только ямщикъ, за десятой тройкой ѣхалъ экипажъ, въ которомъ возсѣдалъ, развалившись, ротмистръ Штакельбергъ въ парадной формѣ. Подѣхавши къ крыльцу, онъ выскочилъ изъ экипажа, вбѣжалъ въ въ столовую и стремительно сѣлъ на первое мѣсто за накрытымъ столомъ, крича:

— Неуступлю своего мѣста, я добился перваго мѣста по праву и обычаю; прошу провѣрить.

Этому много смѣялись и Штакельбергъ остался на первомъ мѣстѣ.

Однажды въ нашемъ домѣ этотъ ужасный ротмистръ сѣхался съ докторомъ Шлемеромъ, чехомъ по происхожденію, извѣстнымъ въ окрестности не столько своимъ врачебнымъ искусствомъ, сколько остроуміемъ и веселымъ нравомъ. Они сидѣли за однимъ столомъ, но не были знакомы. Шлемеръ началъ рассказывать о бердичевской ярмаркѣ и о гусарскихъ проказахъ.

— Нужно вамъ знать, господа, что все творить этотъ бездѣльникъ Штакельбергъ; знаете его?

Штакельбергъ поправилъ усь:

— Честь имѣю представиться, я и есть тотъ самый бездѣльникъ.

Шлемеръ спокойно сказалъ:

— Дайте стараго вина; выпьемъ за здоровье этого бездѣльника.

Выпили за его здоровье, и съ тѣхъ поръ завязалась сердечная дружба между ротмистромъ и докторомъ.

На ученьи генераль Ротъ сказалъ Штакельбергу:

— Ротмистръ! ваша лошадь дурна.

Тотъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ лошадь хорошая, а только ротъ дурной.

Ротъ ничего не отвѣтилъ, но замѣтилъ это себѣ на память. Расхрабившіеся гусары въ тотъ же самый день устроили печальный кортежъ, неся гробъ, подъ погребальнымъ покровомъ; подполковникъ Милорадовичъ предводительствовалъ процессіей; всѣ были въ полной парадной формѣ съ креномъ на рукавахъ. Ротъ выслалъ своего адъютанта, Стенбока, узнать, чьи это похороны. Отвѣчали: „хоронимъ генерала Рота“. Ротъ велѣлъ внести гробъ въ домъ. Открываютъ, а тамъ живая свинья. Безъ выраженной гнѣва, безъ крика посадилъ онъ гусаръ подъ арестъ. Состоялся формальный судъ. Восемь офицеровъ, съ подполковникомъ Милорадовичемъ во главѣ, были присуждены къ разжалованію въ солдаты. Штакельбергъ изъ гусарскихъ ротмистровъ

былъ сдѣланъ драгунскимъ капитаномъ. Представившись генералу въ каррикатурной драгунской формѣ, онъ подалъ въ отставку и гусары успокоились, а Ротъ добился своего, сдѣлалъ изъ своевольныхъ баричей дѣльныхъ офицеровъ, потому что эта третья дивизія стала одной изъ лучшихъ кавалерійскихъ дивизій.

Говорили, что своеволие этого рода проникло во всѣ гусарскіе полки изъ сумскаго полка, у котораго за подобныя своеволія еще въ началѣ царствованія Императора Александра I были отняты темносиніе мундиры и даны сѣрые. Но во время наполеоновскихъ войнъ этотъ полкъ такъ отличился, что получилъ всѣ награды, какія только могли быть даны, и ему опять были возвращены темносиніе мундиры.

Боуеръ, Вѣжалинъ, Нѣстоенскій, Урургъ, Игельстромъ, Штакельбергъ, Крыжановскіе, Порадовскій, Моргулець—были истинными патріархами гусарства. И родъ оружія, и названіе вошли въ моду, а генералъ Давидовъ своими возвышенными и истинно народными стихотвореніями высоко поднялъ славу гусарства. Какъ же было шляхтичамъ, сынамъ высокой фантазіи, не стремиться въ гусары? И стремились. Гусары въ салонахъ волочились за барышнями такъ, что любо было, а мазурку отплясывали такъ, что душа радовалась и сердце замирало. На охотѣ они истребляли звѣриный родъ, на войнѣ были головорѣзами; къ тому же еще хорошо пили и водку и вино, но и о Жюмини, и объ Окуневѣ и Броневскомъ говорили; кутили, чтобы не утратить традицій старыхъ гусаръ; читали и учились, чтобы идти въ уровень съ вѣкомъ и усовершенствовать новаго гусара.

Иная была фізіономія у офицеровъ войска польскаго. Ихъ выборъ былъ сдѣланъ цесаревичемъ Константиномъ. Блендовскій, истинный Баярдъ польскаго рыцарства, Крыжановскій, мужъ непоколебимой доблести, самый щепетильный рабъ военной чести, Маевскій, который мечталъ о Польшѣ и только ту минуту своей жизни считалъ не потерянной, которую посвящалъ работѣ на пользу Польшѣ. Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ и Карлъ Ружицкій, который женился на моей старшей сестрѣ.

Всѣ эти польскіе офицеры участвовали въ наполеоновскихъ войнахъ и каждый изъ нихъ, принимая участіе въ трудахъ, приобрѣлъ часть вполне заслуженной боевой славы. Всѣ почти были люди много читавшіе, много видѣвшіе и не могли не заслужить себѣ уваженія русскихъ офицеровъ. Они сразу вступили тогда въ самыя лучшія отношенія между собой. Я не слышалъ ни объ одномъ поединкѣ, ни объ одномъ недоразумѣніи между офицерами двухъ славянскихъ народовъ.

Когда въ эту гусарскую дивизію вступили два Муравьева, Артамонъ командиромъ ахтырскаго, а Александръ—александрійскаго полка, Пашковъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ, а Лашкаревъ дивизионнымъ, нѣмцы стали выходить изъ дивизіи, а на ихъ мѣста стали поступать русскіе. Тотчасъ же завязались болѣе тѣсныя отношенія между офицерами русскаго и польскаго войскъ и начались разсужденія о славянскомъ вопросѣ, который русскіе офицеры уже хорошо понимали и о которомъ польскіе офицеры слышали, какъ о вещи для нихъ совершенно новой, чего имъ нельзя ставить въ вину, потому что поляки, отдѣлившись добровольно отъ славянъ въ религіи и политикѣ и отдавшись, такъ сказать, въ услуженіе нѣмцамъ и латинянамъ, утвердились въ своемъ заблужденіи, а въ литературѣ или не говорили о славянахъ, или извращали истину, чтобы не выказать своего заблужденія, и погрязали все глубже и глубже въ нѣмецкую ложь.

Собранія и разговоры чаще всего происходили у двухъ полковниковъ Муравьевыхъ, къ которымъ съѣзжались офицеры всѣхъ родовъ оружія. За польскими офицерами и помѣщики стали посѣщать и принимать въ своихъ домахъ русскихъ офицеровъ. Началось настоящее братанье, и тогда то Маевскій, капитанъ польскихъ уланъ, одинъ изъ товарищей Козетульскаго, предсѣдатель Корвицкій и два брата Муравьевы, основали общество рыцарей-тамплиеровъ, которые, какъ я слышалъ тогда отъ Карла Ружицкаго, имѣли цѣлью, по словамъ русскихъ, привести славянъ къ единству, а по словамъ поляковъ—къ установленію республикъ русской и польской отдѣльно. Хотя, повидимому, они не столковались другъ съ другомъ, но приняли посвя-

щеніе въ рыцари и остались тампліерами. Тогда то въ первый разъ сказалось открыто общее отвращеніе русскихъ и поляковъ къ австрійскимъ и прусскимъ нѣмцамъ. Говорилось о вѣроломствѣ, неблагодарности и злыхъ замыслахъ нѣмцевъ. Позднѣ тампліерство привело къ обществу зеленой книги, увы! не славянской, а американской. Кто знаетъ, быть можетъ, злой духъ ввелъ туда нѣмцевъ, чтобы извратить славянскую мысль? Нѣмцы готовы на все!

Принятіе въ тампліеры и разговоры о тампліерствѣ были такъ явны, что генераль Гижичкій, волынский губернаторъ, былъ нѣкоторымъ образомъ того мнѣнія, что цесаревичъ Константинъ видѣлъ въ этомъ тампліерствѣ, средства чтобы сблизить русскихъ съ поляками, такъ что, когда Северинъ Залѣсскій, маршалокъ житомирскій, самъ уже тампліеръ, предлагалъ даже самому Гижичккому вступить въ общество.

Падура и младшій А., который собирался уже выѣзжать въ Харьковъ, сильно противились этому названію тампліеры. Не разъ они спорили объ этомъ съ Карломъ Ружицкимъ и капитаномъ Маевскимъ. Зачѣмъ было не называться козаками, потому что это были единственные славянскіе рыцари. Мнѣ они безпрестанно повторяли: „когда выростешь, не станешь тампліеромъ, а стань козакомъ, это истинные славянскіе рыцари!“

Въ тотъ годъ императоръ Александръ I проѣзжалъ чрезъ Житомиръ и соизволилъ принять приглашеніе на балъ, даваемый мѣстными помѣщиками. Губернаторомъ былъ тогда генераль Гижичкій, зять мѣстнаго сенатора Ильинскаго, любимца императора Павла, маршалкомъ губернскимъ былъ Винцентій Ледоховскій, мужъ моей тетки, предсѣдателемъ перваго департамента генераль Корженевскій, мужъ моей другой тетки. Мать привезла меня на это великое торжество. Меня одѣли въ мальтійскій мундиръ, потому что, когда я былъ еще въ колыбели, для меня было куплено за 6,000 рублей ассигнаціями мальтійское кавалерство, и я былъ представленъ императору.

До 14 лѣтъ я былъ очень малъ ростомъ и худъ, и выглядѣлъ какъ настоящій вдовинъ сынъ.

Императоръ велѣлъ мнѣ влѣзть на столъ, чтобы ему можно было разговаривать съ такимъ рослымъ помѣщикомъ.

Въ это время вблизи императора, возлѣ гетманши Ржевуской, стояли три прекраснѣйшія дамы на балу: Анея Прушинская, жена президента Прушинскаго, истинная русалка-чародѣйка съ Украйны, панна Пилявская, племянница президента Домбровскаго, и пани Орловская, урожденная Ярошинская.

Императоръ велѣлъ мнѣ пригласить одну изъ этихъ дамъ на мазурку; я, не колеблясь, выбралъ пани Орловскую, признаюсь, ради ея брилліантоваго мѣсяца.

Императоръ улыбнулся и сказалъ по французски Артуру Потоцкому:

— Rien d'étonnant, les chevaliers de Malte ont un culte pour Sainte Madelaine.

Самъ государь пригласилъ нани Прушинскую, Артуръ Потоцкій панну Пилявскую. Мазурка мнѣ удалась прекрасно. За ужиномъ я сидѣлъ возлѣ пани Орловской, пилъ шампанское и чувствовалъ себѣ очень хорошо.

Я не въ силахъ описать того энтузіазма, съ какимъ принимали императора Александра. Каждый полякъ готовъ былъ пожертвовать жизнью, имуществомъ, всѣмъ по одному его мановенію, а польки сходили съ ума отъ любезности государя.

Генераль Уругъ, о которомъ я уже упоминалъ, былъ храбрый воинъ. Въ 1810 г. онъ командовалъ волынскими уланами. Когда подъ Русукомъ, послѣ купанья въ Дунаѣ, на обозъ напали турецкіе спаги, то онъ и его уланы вскочили въ однѣхъ рубашкахъ на неосѣданныхъ коней и, схвативъ пики, отразили нападеніе и нанесли страшное пораженіе спагамъ. Мой дядя, Янъ-Кантъ, служилъ въ то время подъ начальствомъ Уруга. Увлеченный необузданной лошадейю, которая была изъ табуна моей матери, онъ нечаянно попалъ въ толпу турецкихъ спаговъ. Перепуганные спаги кричали: „аманъ, аманъ!“ а мой дядя, знавшій нѣсколько словъ по турецки, повернулъ коня къ обозу и крикнулъ:—«бераберъ гиль»! (идите за мной), и отпустилъ поводъ лошади, которая привезла его къ обозу, а спаги слѣдовали за нимъ, и такъ они вступили въ обозъ. Турокъ было 36, но въ

рапортъ гр. Уругъ велѣлъ написать 360, а когда дядя исправилъ цифру, сказалъ: „не жалѣй бусурмановъ, пиши!“ И дядя за этотъ подвигъ былъ произведенъ въ ротмистры и получилъ саблю за храбрость.

Этотъ годъ былъ у насъ очень удаченъ для бѣлыхъ польскихъ уланъ. Трое ихъ пріѣхало региментарами и всѣ трое поженились. Одинъ изъ нихъ, Карлъ Ружицкій, женился на моей старшей сестрѣ, Маріаннѣ. На свадьбу сестры съѣхались всѣ родственники отца и матери. Среди всѣхъ ихъ выдѣлялся Каетанъ Чайковскій, староста бехтынскій, богачъ и скупецъ, который превосходилъ мольтеровскаго скупца. Изъ за скупости онъ не женился; изъ за той же скупости въ своихъ имѣніяхъ въ роскошныхъ домахъ устроилъ на верхнихъ этажахъ амбары, а въ нижнихъ хлѣвы для телятъ; самъ онъ жилъ въ плохой хатѣ, въ такомъ лѣсистомъ и болотистомъ мѣстѣ, что туда трудно было добраться на повозкѣ. На весь домъ у него былъ одинъ слуга, Данило, который въ одно и то же время исполнялъ обязанности цовара, камердинера, кучера и сторожа.

Староста бехтынскій былъ человѣкъ ученый, на древнихъ и новыхъ языкахъ говорилъ какъ по польски, много читалъ, особенно онъ любилъ предаваться историческимъ розысканіямъ и со своимъ намѣстникомъ паномъ Микульскимъ, скарбникомъ лурскимъ, постоянно диспутировалъ о происхожденіи ятвяговъ. Послѣ десятилѣтнихъ изысканій, они пришли къ тому выводу, что ятвяги были народъ кроткій, добрый, какъ всѣ славяне, потому въ ихъ край вторглись ляхи,—татарское племя съ Кавказа,—и съ помощью кнута стали заставлять работать и служить имъ. Грозя кнутомъ, они приговаривали: „Гей, двигайся, лѣнтяй, тунеядецъ!“ Какъ завоеватели записали на шкурѣ покоренныхъ, такъ эти послѣдніе записали себѣ въ память, а впоследствии „Гей двигайся“ (Na dzwigaj się) было передѣлано въ ятвяговъ (Nadzwingów или Iadzwingów) и такъ и осталось.

Староста бехтынскій нашелъ въ Гальчинцѣ огромную псарню, принадлежавшую мнѣ. Онъ сталъ говорить моей матери, что эта саранча много съѣдаетъ, а пользы приноситъ мало, потому что онъ часто слыхалъ отъ пана маршалка Завиши изъ Черни-

хова, что если бы охота была прибыльнымъ дѣломъ, то евреи давно бы его захватили, а ему еще не случилось видѣть еврея охотника.

Моя мать утверждала, что страсть къ охотѣ развиваетъ рыцарскій духъ—единственную истинно шляхетскую доблесть, что эта страсть можетъ отвлечь отъ другихъ страстей. Всѣ эти поэтическіе и козацкіе аргументы не очень то подѣйствовали на дядю. Въ это время я вошелъ въ комнату съ платкомъ, въ которомъ было 300 рублевиковъ, полученныхъ отъ бердичевского еврея Йоселя за шкурки заячьи, лисьи и волчьи, добытыя зимою на охотѣ. Звонкій аргументъ оказался дѣйствительнѣе. Староста сталъ меня распрашивать, а я ему обстоятельно рассказалъ, сколько каждая борзая затравитъ за зиму зайцевъ, лисицъ и волковъ. Я совсѣмъ ошеломилъ расчетливаго дядюшку. Онъ уже не смѣялся, а серьезно и внимательно смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ обратился къ матери: „Поздравляю, вѣдь знаешь, невѣстка, изъ твоего сына выйдетъ великій экономистъ: онъ разрѣшилъ еще незатронутый до сихъ поръ вопросъ—наложилъ панцину на собакъ“.

Послѣ свадьбы моей сестры, меня отвезли въ Межиричъ Корецкій, въ волинскій лицей, которымъ завѣдывали оо. піары. Когда я пріѣхалъ, ректоромъ тамъ былъ ксендзь Грабовскій, истинный монахъ, человекъ добрый и хорошо воспитанный; вице-ректоромъ былъ ксендзь Бартошевичъ, большой охотникъ до лисицъ. Кс. Кмита былъ префектомъ лицея; сухой, увядшій, онъ скорѣе походилъ на пергаментнаго іезуита, чѣмъ на піара. Былъ тамъ также кс. Младановичъ, сынъ уманскаго губернатора (управителя) во время рѣзни; онъ былъ крестнымъ сыномъ Гонты и былъ имъ спасенъ. Теперь онъ былъ инвалидомъ монастыря и не несъ никакихъ обязанностей, а все только рассказывалъ объ уманской рѣзнѣ, объ Украинѣ, гайдамакахъ, Запорожьѣ. Онъ все помнилъ и все рисовалъ въ своихъ рассказахъ живыми красками.

Удивительная вещь—онъ не выражалъ ни ненависти, ни раздраженія противъ Гонты. Всю вину преступленія онъ приписывалъ Феликсу Потоцкому и польской шляхтѣ. Вотъ слова, которыя я часто слышалъ отъ него: „выучили его читать, писать

и понемножку всякимъ наукамъ, а потомъ хотѣли его бить, сажать въ „гусакъ“; сдѣлали его полковникомъ,—а полковникъ онъ былъ дѣльный, потому что онъ лучше зналъ военное дѣло, чѣмъ региментари, бригадиры и ротмистры,—а потомъ хотѣли его ошельмовать, какъ хама, мужика; и муравей кусаетъ, если ему досаждаютъ, а что же человѣкъ, да еще такой какъ Гонта? Паны наварили этого пива, а людъ Божій долженъ былъ его пить—и пьеть, да никакъ не выпьеть до дна“.

Въ лицѣѣ было до 900, а порой и до 1000 человѣкъ молодежи. Я жилъ вмѣстѣ съ Александромъ Подгороденскимъ, двумя Залѣсскими, съ Дмитріемъ Четвертинскимъ у кс. Заржецкаго, чуть ли не лучшаго изъ всѣхъ, потому что онъ не употреблялъ канчука и другихъ мѣръ строгости.

Кормили насъ недурно, но давали бушанья порціями, отсюда подкупы служителей, даже поваровъ, надувательство другъ друга. Какова же была эта перемѣна для насъ, вышедшихъ изъ школы Вольсея!

Свѣтскіе профессора, присланные изъ Вильны, были люди способные, свѣдущіе въ предметахъ, которые они излагали; но мнѣ не приходилось слышать ни объ одной изъ школъ губернскихъ или уѣздныхъ, бывшихъ подъ управленіемъ свѣтскихъ профессоровъ, которая снискала бы себѣ славу или выпустила знаменитыхъ учениковъ. Всѣ ученики, выходившіе изъ нихъ, оказывались посредственностями и не выдавались ни по способностямъ, ни по образованію; эти школы не дали выдающихся людей ни въ литературѣ, ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ дѣятельности на пользу родины. Эти профессора не умѣли стоять на высотѣ своего званія, являлись скорѣе правительственными чиновниками, чѣмъ наставниками молодежи. Причиной этого кажется, были порядки правительствен. учебн. заведеній того времени и недостаточно тѣсныя отношенія между профессорами и помѣщиками.

Кромѣ Кременца, который сталъ во главѣ научнаго образованія въ юго-западныхъ земляхъ русскихъ, забота о воспитаніи въ этихъ земляхъ была въ рукахъ трехъ товариществъ или обществъ.

Одни ограничивались тѣмъ, что исполняли свои служебныя обязанности, но не шли далѣе, и потому не могли сами стать на болѣе широкую точку зрѣнія. Ни одинъ зажиточный помѣщикъ не отдавалъ своихъ дѣтей въ школы, находившіяся въ завѣдываніи свѣтскихъ учителей. Эти школы наполнялись по большей части мѣщанами, и число учениковъ въ нихъ было очень ограничено.

Двѣ другія категоріи школъ—школы, находившіяся подъ управленіемъ оо. базиліанъ и оо. піаровъ—имѣли совершенно инныя отличительныя черты; совершенно свободныя отъ давленія и даже отъ надзора правительственныхъ чиновниковъ, тѣсно связанныя съ помѣщиками, въ средѣ которыхъ онѣ находили и матеріальную помощь и нравственную поддержку, школы эти группировали въ себѣ всю лучшую молодежь и имѣли возможность довести до широкихъ размѣровъ систему школьнаго образованія.

Общество оо. базиліанъ, исключительно состоявшее изъ гербовной шляхты, во главѣ котораго почти всегда стояли представители знатнѣйшихъ мѣстныхъ семействъ, уніатское, болѣе славянское, не льнуло къ западной цивилизаціи и западнымъ модамъ. Вышней политикѣ, которая, несмотря на всѣ толки доктринеровъ и предпринимаемыя мѣры должна налагать свою печать на воспитаніе, какъ и на всякую иную отрасль умственнаго развитія и прогресса, они слѣдовали анти-нѣмецкой, анти-латинской, чисто польской¹, постепенно и легко приближаясь къ славянской идеѣ. На всей системѣ воспитанія у оо. базиліанъ лежала печать консерватизма, монархизма и даже аристократизма. Исторія Польши была основной наукой въ этихъ школахъ. Учили ей не по книжкѣ кс. Ваги, не по педантическому труду бискупа Нарушевича, а по рукописямъ кс. Стройновскаго, Михальскаго и иныхъ писателей, принадлежавшихъ къ славянскому монашескому ордену св. Василія, по хроникамъ, по запискамъ, учили философски, научно и поэтически, чтобы воспитать добрыхъ и разумныхъ поляковъ. Оо. базиліане не позволяли своимъ ученикамъ увлекаться космополитическими идеями и забывать о польской, но напротивъ наталкивали ихъ на эту послѣднюю, повторяя всегда козацкую поговорку, что

сорочка ближе къ тѣлу, чѣмъ свита. Въ базилианскихъ школахъ въ Умани, Любарѣ, Овручѣ и др. считалось по 1,000 и болѣе учениковъ, принадлежавшихъ притомъ къ самымъ знатнымъ семействамъ. Школы этого ордена могутъ похвалиться Мальчевскимъ, Гоцинскимъ, Богданомъ Залѣскимъ, Ржевускимъ, Михаиломъ Грабовскимъ и даже фельдмаршаломъ Паскевичемъ, который изъ этихъ школъ вступилъ въ русское войско.

Оо. піары были, если можно такъ выразиться, орденъ демократическій, универсальный, а не чисто польскій. Науки ихъ отличались тѣмъ же духомъ; польская исторія у нихъ представляла часть исторіи всеобщей; о славянахъ знали столько же, какъ и объ афганцахъ, за то новѣйшую исторію великой Франціи, Италиі, Испаніи и друг. выдающихся государствъ знали какъ десять заповѣдей. Въмѣсто базилианской строгости и послушанія тамъ всегда были въ ходу протесты и прокламаціи, памфлеты въ стихахъ и въ прозѣ. Правда, кс. Жебровскій разбивалъ памфлеты на спинахъ авторовъ, протестовавшихъ и возмущавшихся сажали подъ арестъ на хлѣбъ и воду, но этимъ не искореняли подобныхъ выхонокъ, а напротивъ нѣкоторымъ образомъ поощряли къ нимъ, чтобы развить самостоятельность въ жизни и независимость воли. Ученики межиричской школы не уступали въ салонахъ ученикамъ школы кременецкой, и превосходили въ этомъ отношеніи учениковъ школъ базилианскихъ. Ученики оо. піаровъ изъ надменныхъ поляковъ становились полированными французами, настоящими сѣверными французами. Въ нихъ не вселяли племенной ненависти ко всякому другому племени, что не мѣшало, однако, чуткости къ польской идеѣ. При каждомъ слухѣ о войнѣ ксендзы піары и учителя бросали реверенды и облекались въ артиллерійскіе и уланскіе мундиры. Такъ же поступали и ученики. Во всѣ возстанія, во всѣ войны больше всего волонтеровъ доставляли піарскія школы.

Среди помѣщиковъ большинство мужчинъ стояло за школы базилианскія, большинство женщинъ за піарскія; правительство покровительствовало послѣднимъ, къ первымъ же относилось нѣсколько недовѣрчиво.

Попечителемъ межиричской гимназiи, а впоследствии лица былъ Иосифъ Стецкій, владѣлецъ Межирича и многихъ помѣстiй на Волыни и Украинѣ, маршалокъ ровенскаго повѣта. Онъ происходилъ изъ козацкой старшины и, подобно фельдмаршалу Гудовичу, былъ человекъ необразованный. Онъ всегда говорилъ, что Стецкій по самой природѣ, по духу и крови, не можетъ пойти дальше второго класса, но что всѣ Стецкіе имѣютъ инстинктивныя симпатiи къ наукѣ и учащимся, и далъ доказательства этихъ симпатiй, записавъ въ неприкосновенный фондъ двѣнадцать парамъ большое село Гаручу и 300,000 злотыхъ польскихихъ, и сверхъ того пожертвовавъ 100,000 зл. пол. на приборы для физическаго кабинета и химической лабораторiи, и 100,000 на библіотеку и географическія карты. По праздникамъ и воскресеньямъ его гостинныя были открыты для учениковъ, а самъ онъ, если не охотился, то цѣлые дни просиживалъ въ монастырѣ. Дай Богъ всѣмъ научнымъ учрежденiямъ имѣть такихъ попечителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).